

М.А. Ахметова
Гаяз Исхаки в Чистопольском медресе
Minbar. Islamic Studies. 2023;16(3):585–603

DOI 10.31162/2618-9569-2023-16-3-585-603

УДК 821.512.145:37.01(470.4)

Original Paper

Оригинальная статья

Гаяз Исхаки в Чистопольском медресе

М.А. Ахметова^{1а}

¹Лаборатория многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии
Федерального исследовательского центра «Казанский научный центр Российской академии
наук», г. Казань, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1051-5169>, e-mail: ama201289@yandex.ru

Резюме: Цель работы – посредством анализа автобиографии классика татарской литературы Гаяза Исхаки воссоздать картину жизни знаменитого в мусульманском мире России и стран Востока медресе Закира хазрата Камалова. Историографической основой для написания данной статьи послужила автобиография Гаяза Исхаки (عياض إسحاق), в которой он, останавливая внимание на бытовых, мало кому известных деталях, обстоятельно описывает жизнь медресе Закира Камалова, что чрезвычайно важно для любознательного читателя, желающего познать, в каких условиях и на каких правах существовали сотни шакирдов медресе, большинство из которых были иногородними. Исследование базируется в основном на архивных источниках из Государственного архива Республики Татарстан. Работа написана на основе принципов историзма, объективности и системности.

Ключевые слова: Гаяз Исхаки; медресе Закира хазрата Камалова; медресе «Камалия»; город Чистополь; село Яуширма (Кутлушкино); мектебе и медресе; татары

Для цитирования: Ахметова М.А. Гаяз Исхаки в Чистопольском медресе. *Minbar. Islamic Studies. 2023;16(3):585–603*. DOI: 10.31162/2618-9569-2023-16-3-585-603

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Gayaz Iskhaki in Chistopol madrasah

M.A. Akhmetova^{1a}

¹*The laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology of the Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Kazan, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1051-5169>, e-mail: ama201289@yandex.ru

Abstract: The purpose of the study is to recreate the picture of life of the Hazrat Zakir Kamalov who was famous in the Muslim world of Russia and the East, through the analysis of the autobiography of the Tatar canonical writer Gayaz Iskhaki (Ayaz Ishaki/‘Iyad Ishaqi). The historiographic basis for this article is provided by the autobiography of Gayaz Iskhaki where he focuses on few known household details, thoroughly describes the life of Zakir Kamali’s madrasah. The facts found in the autobiography are extremely important for an inquisitive reader who wants to know under what conditions hundreds of shakirds of madrasah lived and what rights they had, as most of them were nonresidents. The study is based mainly on archival sources from the State Archive of the Republic of Tatarstan. The work is written on the basis of the historicism, objectivity and consistency principles.

Keywords: Gayaz Iskhaki; Hazrat Zakir Kamalov’s madrasah; “Kamaliya” madrasah; the city of Chistopol; the village of Yaushirma (Kutlushkino); maktab and madrasah; Tatars

For citation: Akhmetova M.A. Gayaz Iskhaki in Chistopol madrasah. *Minbar. Islamic Studies. 2023;16(3):585–603*. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2023-16-3-585-603

Введение

Система мусульманского образования в XIX веке со своими своеобразными народными традициями, направленными исключительно на религиозно-нравственное совершенствование мировоззрения правоверных, была достаточно развитой в Казанской губернии. Грамотность среди татар была очень значительна, о чем в свое время писали многие. В 1844 году Карл Фукс, обрусевший немец, профессор и ректор Казанского университета, в своей книге «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях» (Казань, 1844) высказался о татарах, которые, по его мнению, заслуживают особенного внимания наблюдательного этнографа: «Всякому заезжему, без сомнения, странно покажется найти в казанских татарах, говоря вообще, народ более образованный, нежели некоторые, даже европейские. Татарин, не умеющий читать и писать, презирается своими земляками и, как гражданин,

не пользуется уважением других. Посему-то всякий отец старается как можно ранее записать детей своих в училище, где бы они выучились, по крайней мере, читать, писать и узнали бы начала своей религии» [1, с. 113].

Продолжив мысль о грамотности татар, обратимся к книге «Среднее Поволжье», изданной в 1908 году. Здесь подчеркивается, что для татар имело принципиальное значение обучение подрастающего поколения основам грамоты и ислама, поэтому, «благодаря магометанской религии, у татар есть письменность, вследствие чего татары стали по своему развитию выше всех прочих инородцев <...> Начальное образование достаточно распространено между татарами: мало найдется даже женщин, которые бы не умели читать и писать по-татарски» [2, с. 49–50].

В 1916 году Я.Д. Коблов, изучая конфессиональные школы казанских татар, приходит к мнению, что грамотность татар зависит от доступности для каждого получить исламское религиозное образование в мектебе и медресе. «В России трудно указать народность, среди которой была бы так широко распространена грамотность, как у казанских татар. Безграмотного татарина можно встретить очень редко. И это обуславливается полной возможностью для каждого магометанина научиться грамоте, потому что в каждой деревне, как бы она ни была бедна и малочисленна, есть школа» [3, с. 75]. Количество учебных заведений Казани постепенно увеличивалось: 1854 г. – 8, 1891 г. – 10, 1909 г. – 11 и в 1913 году существовало всего 26 мектебе и медресе [4, с. 8]. Через медресе и мектебе «проходит почти 90 % подрастающего поколения мусульман, и здесь формируются взгляды, убеждения и настроения этой значительной части населения России»¹, «проходит почти все, до 80 %, мусульманское юношество, по крайней мере, Казанской и соседних с нею губерний»².

Подтверждение сказанному мы находим, например, в автобиографии классика татарской литературы Гаяза Исхаки (عياض إسحافي), который с гордостью описывает свой род со стороны отца и матери, справедливо определяя свою семью как образованнейшую, занимавшуюся просветительством и даже благотворительностью. «Мой отец Гилязетдин (علاج الدين) был хазратом села Яуширма. Его отец Исхак был хазратом и имамом. И его отец Хамза, и его

¹ Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ). Ф. 92. О. 2. Д. 2246. Л. 35.

² ГА РТ. Ф. 92. О. 2. Д. 8777. Л. 71.

отец Субханколий, и его отец Баки были хазратами и имамами. Четырнадцать предыдущих поколений образованнейшей семьи моей мамы - остазбике Камарии, дочери хазрата Габдельвали (عبد الوالي), и остазбике Махфузы, жителей села Муслумово, неизменно занимались сельским хозяйством и помогали нуждающимся. В этих людях неистребим дух отважного сказочного героя, прозванного в народе «Чура Батыром», возглавившим Крымское войско, выступившее для освобождения Казани» [5, с. 35].

Интересные характеристики системы мусульманского домашнего обучения детей отмечены Гаязом Исхаки. Его отец, мать, родственники были вполне в состоянии дать приличные знания начинающему отроку. Благодаря бабушке по материнской линии остазбике Махфузе первой книгой пятилетнего Исхаки становится азбука (алифба). Уроки брал он у своего отца – хазрата Гилязетдина, на занятиях которого одолел грамматику и синтаксис арабского языка, выучил наизусть немалое количество глав написанной на фарси поэмы «Гулистан» видного поэта Саади. Читал на арабском языке и на фарси, т. е. уже к восьми годам освоил основные тюркские языки. Он посещал дневную школу своего села, а в девять-десять лет учился на вечернем отделении в том же заведении. После отец отправляет будущего классика татарской литературы в уважаемое в народе медресе Закира Камалова в Чистополь. Оно было известно как одно из передовых мусульманских учебных заведений в Казанской губернии и далеко за ее пределами, куда, зная это, приезжали учиться молодые люди из разных уголков Российской империи. Обусловлено это было, в первую очередь, огромной популярностью Закира Камалова в мусульманском мире как видного богослова и проповедника.

Сведения о мусульманских медресе и мектебе в Казанской губернии

В 1891 году директор народных училищ А.С. Никольский, анализируя состояние медресе и мектебе в губернии, приходит к выводу, что «муллы – учителя татарских медресе и мектебе Казанской губернии, по сведениям полиции, основное образование получили в России, именно в больших медресе г. Казани, Чистополя, Буинска (Симбирской губернии), Стерлибаша Стерлитамакского уезда или в сельских же медресе Казанской губернии»³. Важным

³ ГА РТ. Ф. 92. О. 1. Д. 19380. Л. 38.

является указанием, что медресе выпускало не только будущих имамов, хазратов, но и преподавателей для других медресе.

В Казанской губернии в 1891 году для обучения татарских детей существовало 585 магометанских медресе и мектебе, из них 64 в Чистопольском уезде. «Значительное число медресе и мектебе помещались в домах местных мулл и только сравнительно немногие из них – в особых общественных домах или наемных квартирах»⁴. В документе, датированном 1 октября 1895 года, количество татарских школ (медресе и мектебе), находящихся в Чистопольском уезде, составляет 73, из них только 2 в городе Чистополе⁵. К 20 апреля 1901 года число магометанских школ в городе Чистополе и Чистопольском уезде составило 89, а именно 27 медресе, 58 мектебе, 2 частных, 1 русский класс и 1 неизвестного названия (в архивном документе не было указано наименование одной школы)⁶.

«В одной Казанской губернии насчитывается до 300 медресе и более 600 мектебе». Широкой известностью пользуется пять медресе Казани, медресе, находящиеся в с. Кышкар, в селах Альметев и Курманаев Чистопольского уезда и медресе в г. Чистополе⁷ (речь идет о медресе Закира Камала).

В 1890 году отец писателя Гилязетдин – хазрат села Яуширма – отправляет своего сына в Чистополь, в медресе Закира Камалова. Первая зарисовка Чистополя, «столицы татар-мишарей», от Гаяза Исхаки следующая: «В ту пору мне уже исполнилось двенадцать, и отец отправил меня в Чистополь, столицу мишарей, в медресе Закира хазрата, где ранее обучался и сам. От нашего села до Чистополя двадцать пять верст (верста чуть длиннее километра). В старинном городе, расположенном на берегу Камы, проживали около тридцати тысяч человек. Половина населения – татары-мусульмане, другая половина – русские. Удобная пристань позволяет быстро загружаться и разгружаться причаливающим из разных концов России пароходам». Чистополь был местом рождения, пребывания, творческого вдохновения, упоминания многих писателей, среди них классики татарской художественной словесности Г. Утыз-Имяни, Ф. Амирхан, Г. Исхаки и др. [6, с. 7]

⁴ ГА РТ. Ф. 92. О. 1. Д. 19380. Л. 34.

⁵ ГА РТ. Ф. 160. О. 1. Д. 764. Л. 33-34.

⁶ ГА РТ. Ф. 160. О. 1. Д. 947. Л. 12.

⁷ ГА РТ. Ф. 92. О. 2. Д. 8777. Л. 75.

Учебные заведения, подведомственные указному мулле г. Чистополя Закиру Камалову

Камалов Мухаметзакир Абдулвагапович (محمد ذاكر بن عبد الوهاب كمالي) (1804–1893) – уроженец деревни Верхняя Сосна Малмыжского уезда Вятской губернии, основатель, мударрис медресе «Камалия», мулла Первой Соборной мечети г. Чистополя. Должность муллы он получил 17 сентября 1846 года, когда распоряжением Казанского губернского правления был назначен имам-хатыбом Чистопольской мечети. В 1847 году в Чистополе открыл медресе «Камалия», где обучались шакирды со всех регионов России. Обучение в нем велось на татарском, арабском и персидском языках и было известно далеко за пределами России. В духовном завещании муллы Первой Соборной мечети г. Чистополя Закиром Камаловым указано, что «медресе мое открыто назад тому около 100 лет, и я состою указным имамом 46 лет; с этого времени я обучал учащихся в оном религиозным наукам на собственные средства. Медресе мои, как каменное, так и деревянное, выстроены мной единственно для обучения религиозным наукам и вероучению». Предсмертная воля Закира Камала об учебно-педагогической стороне медресе отражена в 17 пункте завещания: «...после смерти моей в этих медресе обучать учащихся тем же наукам представляю право зятям моим (речь идет о Наджипе Амирхане, Мусе Бигиеве и др. – М.А.) и сыну моему Ибрагиму и тем лицам, которым ими будет позволено, а если сии лица не в состоянии будут обучать, то должен обучать в медресе объясненным предметам достойный вполне имам города Чистополя. В сказанных медресе, кроме татарского, арабского и персидского языков и религиозных наук, других предметов не должно преподаваться, обучать исключительно одним религиозным наукам, как преподавалось при жизни моей»⁸.

Подведомственными ишану Мухаметзакиру Камалову в Чистополе было два учебных заведения: мектебе и медресе. 13 января 1893 году был проведен осмотр помещений школ инспектором народных училищ Чистопольского уезда Гаиевым совместно со старшим чиновником особых поручений при казанском губернаторе Михайлове в присутствии чистопольского уездного исправника, при котором выявлено, что «школьные помещения за-

⁸ ГА РТ. Ф. 245. О. 29. Д. 38. Л. 47.

нимают четыре отдельных здания, из которых три новых каменных флигеля и одно обширное деревянное (ветхое). Последнее разделено капитальной стеной на две учебные комнаты, соединяющиеся между собой дверью и имеющие особые входы. Все эти пять школьных помещений, сколько можно судить по обстановке (книги, сундуки, войлоки, подушки), приспособлены как для учебных занятий, так и для проживания в них учеников из уездов»⁹. Мектебе помещалось «в деревянном здании, разделенном на две классных комнаты», а медресе занимало «три каменных здания, из которых одно служит классной комнатой, а другие два предназначены под квартиры учеников, когда собирается их значительное число и поместить их на постоянное жительство в одной комнате нельзя»¹⁰. Основное здание медресе Закира Камалова три-четыре года назад возвращено мусульманам Чистополя, его молодежи, в прекрасно отреставрированном виде одним из известных уроженцев города – Маратом Шакирзяновичем Хуснуллиным. Здания мечети и еще одного учебного корпуса, пострадавшего в пожаре, ждут своего благотворителя.

Медресе Закира хазрата, по автобиографии Г. Исхаки, располагалось в отдельных добротных каменных зданиях. Число приезжих шакирдов составляло в разные годы от шестисот до восьмисот учеников. В медресе преподавали полный курс предметов, необходимый для ежегодного выпуска преподавателей, имамов, хазратов для службы в иных мечетях и медресе. Строгость преподавания шла только на пользу постижению многочисленных знаний в области религии и нравственности. «Его духовное служение в уездном городе продолжалось почти полвека. Конечно, за этот период он завоевал доверие большинства мусульманской общины, стал очень авторитетной фигурой. Занятия предпринимательством (был чистопольским купцом 2-й гильдии) и высокие доходы, очевидно, позволили ему сохранить независимость воззрений, в данном случае – отстаивать консервативные убеждения» [7, с. 840].

Сильно преувеличенными кажутся названные Исхаки сведения о количестве приезжих, т. е. иногородних, шакирдов в медресе – от 600 до 800! Где их всех разместить, в каких аудиториях обучать? А ведь было еще большее медресе Наджиба Амирханова, зятя Камалова, дяди классика татарской литературы Фатыха Амирхана (فاتح أميرخان)! Но факт, что обучалась в медресе

⁹ ГА РТ. Ф. 92. О. 1. Д. 19527. Л. 50.

¹⁰ Там же. Л. 50.

не одна сотня молодых людей, общеизвестен. Правда, из-за трений с властями, требующими, чтобы в медресе всех шакирдов обучали русскому языку, число учащихся в официальных данных искусственно занижалось. Точные сведения о количестве учащихся в татарских мектебе и медресе не поступали в дирекцию народных училищ, так как муллы или заведующие отказывались их предоставлять, ссылаясь на то, что в медресе не ведется никаких списков учащихся¹¹. Количество учащихся в медресе и мектебе не поддавалось подсчету и не отражалось в делах инспекции народных училищ, поскольку руководители их не хотели, чтобы медресе и мектебе состояли в некотором отношении под надзором инспекции.

Архивный документ начала XX столетия гласит, что «число учащихся в больших медресах доходит до нескольких сотен, так напр. в медресах г. Казани: Апанаевской, Багаутдиновской, Галеевской насчитывается в каждой от 150 до 400 учащихся»¹². Если количество шакирдов достигало в больших медресе города Казани до 400 человек, то цифры, озвученные Гаязом Исхаки, могут показаться нереальными. Но чем известнее мулла, тем больше шакирдов приезжает на обучение к нему. Таким образом, обозначенные Исхаки цифры подтверждают, что Закир Камалов был известен в мусульманских кругах как человек большой учености.

Высокий авторитет Закира хазрата был обусловлен и его преданностью курсу, проложенному в исламе одним из известных проповедников древности Багаутдином Накшбанди (Баха' ад-дин Накшбанд (1318–1389), Бухара, Узбекистан) – персидским религиозным деятелем, считающимся основателем известного суфийского ордена Накшбанди. Многие родители-муллы посылали своих детей именно в это медресе, зная на собственном опыте о качестве преподавания предметов, о строгой дисциплине в учебном заведении, о внимательном отношении преподавателей и воспитателей-наставников к каждому шакирду, где они не останутся в небрежении.

Г. Исхаки в медресе был закреплен за уважаемым наставником Валиахмедом (ولي أحمد), который был успешным воспитанником медресе и преподавал некоторые дисциплины в младших классах. Исхаки начал изучать грамматику (энмузэж). «Учеба мне давалась легко, я не нарушал даже способных

¹¹ ГА РТ. Ф. 160. О. 1. Д. 815. Л. 99.

¹² ГА РТ. Ф. 92. О. 2. Д. 8777. Л. 75.

вызвать отвращение своей монотонностью порядков медресе, и поэтому, видимо, обо мне сложилось впечатление как о прилежном ученике, и за все время обучения в строгом заведении меня “не удостаивали” не то что однократного палочного наказания, но даже повышенного тона в свой адрес со стороны учителей» [5, с. 39].

Медресе давало начальное образование. Все шакирды были поделены на три группы. Старшие занимали самый большой угол, отгороженный занавеской. Они и одевались по-другому. У них была и своя библиотека со множеством полок в каждом закутке. На второй ступени обучения традиционно располагались кандидаты в будущие преподаватели. Они жили в длинном здании со множеством окон. Напротив, отгороженные занавеской, устраивались самые младшие шакирды. Если у кого-нибудь среди них были родственники во второй группе, то им часто выделяли место рядом с родственником. Для еще не зачисленных в ученики медресе мальчиков в промежутке между вторым и третьим уровнем готовились «джамагат секиси» – «общие нары», а в годы, когда поступало особенно много учеников, готовили даже двухэтажные спальные места. «И меня (Гаяза Исхаки. – М.А.) устроили с напарником по нарам, сыном муэдзина нашего села Габдрахмана эфенди (عبد الرحمن أفندي). Как и остальные ученики, я привез из дома постельное бельё и матрац. Перед сном мы раскладывались на нарах. По утрам собирали постели и закидывали на верхний ярус. Из-за того, что пространство вдоль окон занимали широкие и длинные, но коротконогие, по турецкому образцу, столы, предназначенные для обучения старших студентов, мы, молодые шакирды, занимались на улице, расположившись на общих скамейках» [5, с. 39–40]. Например, в медресе небольшой деревни Кошкары Казанской губернии «общая нара» служила и залом, и коридором, и классом, а иногда «местом жительства для маленьких или более бедных шакирдов, не имевших доступа в комнаты, и занимала довольно просторное место» [8, с. 271].

Каждодневный быт медресе

«Внутренний распорядок жизни в медресе мало чем отличался от казарменного», – пишет Г. Исхаки в своей автобиографии. «На заре раздавался призыв старшего по медресе – казый: “На намаз!” Далее все учителя и ученики

сообща творили молитвы. После намаза младшие ученики ставили самовары, в зависимости от потребности количество колебалось от пяти до тридцати (иногда это число достигало и пятидесяти). Затем наступал черёд завтрака. Вокруг каждого самовара собиралось по четыре-пять шакирдов, иногда по шесть-семь, голод утоляли тем, что Аллах послал. Собиравшиеся вокруг самовара ученики становились близкими, родней, членами одной семьи, обращавшимися друг к другу “чайдаш” (товарищ по чаепитью). После завтрака начинались уроки. Уборка в здании медресе, поддержание порядка – обязанность учеников начальных классов. Они по очереди топили печь, чистили нары. Всегда были готовы исполнить приказы старшего. До середины дня занятия проходили с немалым трудом. После полуденного намаза шакирды, в зависимости от благосостояния, варили супы и каши в специальных самоварах без краника. У тех, кто победнее, – на обед чай да хлеб. Живущие неподалеку шакирды привозили провиант из деревень. А приехавшие издалека покупали все необходимое в бакалее» [5, с. 40–41]. Лично Исхаки каждую неделю через односельчан передавали две буханки ржаного хлеба, пару чистого нательного белья, около килограмма мяса, иногда немного топленого масла, и достаточное, как тогда казалось, количество беляшей (они могли быть с мясом, с картошкой, с рисом), и зашитые в одну из складок штанов или рубахи двадцать-двадцать две, иногда двадцать пять копеек. На одну часть денег покупались чай и сахар, писчая бумага и перья, другая часть – еженедельное подаяние (садака). Многие шакирды были воспитаны в религиозных семьях. У многих учеников в городе были родственники из мусульманских семей или же знакомые родителей. В этих семьях хранились ненужные вещи; раз в две недели, когда топилась баня, приглашали и шакирда. Если в доме были гости, обязательно приглашали и знакомого шакирда. Поэтому ученики называли такие дома «гостевыми». У Исхаки не было своего гостевого дома. Но в городе проживало несколько семей односельчан, и по четвергам, в выходной день, он посещал то одних, то гостил у других. Принимали его с большим уважением. Эти «гостевые дома» значительно облегчали тяжелую участь шакирдов. Многие получали возможность постираться и подштопаться. Если ученик заболел, родственники забирали его к себе, давали отдохнуть, даже приехавшим издалека набожные хозяева бесплатно предоставляли такую возможность. В общем, пожилые женщины проявляли материнскую заботу [5, с. 42].

Художнически-занимательно расписанный Гаязом Исхаки распорядок дня в медресе также дает возможность представить себе особенности каждодневного бытования шакирдов, их взаимоотношения друг с другом, старших шакирдов с младшими. Своеобразная «дедовщина», но без современной жестокости и извращений, налицо в данном описании. За младшими была уборка помещений, где они обучались и жили. Они носили воду из колодца, ставили и подавали самовары для старших шакирдов и т.п.

В медресе Г. Исхаки сдружился с двумя шакирдами. Один из них, Гарифулла (عارف الله), был родом из соседнего села Средние Тиганали, другой, Мирзаян (میرزاجان), родившийся на противоположном берегу Камы. Они вместе готовились к занятиям. «Если Гарифулла был средней руки учеником, то переросток Мирзаян, на пять-шесть лет старше нас парень, не имевший за плечами какого-либо опыта ученик начальной ступени, которому абсолютно не давались синтаксис и морфология арабского языка, неизменно обращался за помощью к нам. В медресе нас называли “товариществом”, жившим по своим законам. Например, святой обязанностью считалось обучение нашего отстающего друга, а его скромное, сдержанное поведение и нам добавляло этих качеств. В свою очередь он, будучи физически развитой личностью по сравнению с нами, всегда заступался за нас, когда возникали споры по поводу того, чья очередь ставить самовар или натаскать воды» [5, с. 43].

Своеобразно описаны взаимоотношения хазрата и шакирдов в автобиографии Гаяза Исхаки. Описаны книги, которые изучали учащиеся, и многие другие интересные детали из жизни медресе.

До конца года шакирдами была освоена «Грамматика», затем начали изучать книгу «Кяфия». Это был важный шаг в жизни каждого шакирда. Права ученика увеличивались, он становился настоящим шакирдом, студент получал право не посещать занятия по предметам, заявленным хазратом. Этот день позволил и Гаязу Исхаки приблизиться к одной из высоких целей. Хазрат был для шакирдов и преподавателем, и воспитателем, но больше всего – незаурядной личностью. «Все, что происходило в медресе, он держал в своих руках, никто был не вправе перечить его словам и приказам, с другой стороны, более стойкого слуги, охраняющего устои ислама, нравственности, нации, трудно было отыскать. Нахождение рядом с ним повергало всех шакирдов в трепет. Его прищуренный взгляд был сродни удару тока. Его появление в учебном классе было большим праздником. Не только ученики, но

и шторы-занавески невольно начинали трепетать, приветствуя его приход. Подушки со всех нар горой собирались в специально отведенном углу, образуя мягкое подобие трона. В десять часов утра хазрат на своей лошади приезжал в медресе, вынуждая всех шакирдов замирать безмолвными мумиями. Хазрат неспешно подходил к приготовленному месту и молча устраивался между подушек. На расстоянии пяти-шести метров справа шакирды незамкнутым углом садились на колени. По двум сторонам угла “приземлялись” старшие шакирды, в зависимости от уровня подготовки в течение лекции они старались поближе подобраться к “Кяфияхану”. Немалое расстояние между преподавателем и учеником вынуждало последнего читать-отвечать громким голосом» [5, с. 44]. В автобиографии Гаяза Исхаки подробно описывается его первый урок в доме хазрата, по словам Исхаки, процесс становления «полноправным гражданином медресе». «На своем первом уроке в доме хазрата от излишнего усердия, возможно, что и от страха, прокричал: “Аль-Калимат”. Хазрат спросил меня: “Аль-Калимат, это слово или нет?”. И тут я, словно самый отстающий ученик, почему-то ответил однажды вызубренной фразой: “Чтобы считать калимат словом, оно должно быть в единственном числе, измененным определенным артиклем аль”. На последующие несколько вопросов я отвечал примерно таким же образом. Хазрат остался доволен: “Как тебя зовут?», – спросил он. Я ответил. “Чей же ты сын?», – спросил хазрат. “Хазрата Гиляза из Яуширмы”. “Будь таким же просвещенным, как твой отец. Пусть Аллах наделит тебя знаниями, позволяющими приносить пользу”, – сказал хазрат. Поднеся руки к лицу, он прочел ду‘а, затем я поцеловал его ладонь и отдал садака (специально привезенные из дома деньги), на том мой урок закончился. С гордо поднятой головой, мысленно сжимая рукоять заткнутого за пояс меча, я вернулся домой. После этого я получил право не только посещать его уроки “Кяфия”¹³, но и оспаривать моменты, идущие вразрез с учебниками, с традиционной методикой преподавания» [5, с. 45].

По причине близкого расположения аула Г. Исхаки к медресе в праздники он уходил домой, где с избытком бывал удостоен родительской ласки и заботы, а на столе, сменяя друг друга, появлялись угощения, одно другого вкуснее, с утра до позднего вечера кипел самовар. Был зван друзьями в гости. Отстирав завшивевшие одежды, несколько раз помывшись в бане, положив в

¹³ Аль-Кяфийат фи ‘ильм ан-нахв – известное пособие по арабской грамматике египетского автора седьмого века по хиджре Ибн Хаджиба.

карман небольшое, но достаточное количество монет, он возвращался в медресе. «Ох и тяжелыми были эти расставания», – пишет Исхаки. Хотя мама его и пыталась уговаривать, мол, остался бы хоть на денечек, но отец был непреклонен: «Отстанешь в учебе, догонять друзей-товарищей будет непросто, короче, никаких поблажек». В назначенное время подъезжала повозка.

Родная деревня Исхаки Яуширма (Кутлушкино) была в пешей досягаемости, в 20-25 верстах. По праздникам он с огромной радостью торопился домой, где его с нетерпением ждали родители, родные и близкие, где его кормили любимыми блюдами, где он ходил в гости к друзьям... Некоторые детали – стирка завшивевшей одежды, баня каждый день – вполне дополняют повседневный быт в чистопольском медресе, возвращение в которое уже на повозке было нелегким испытанием для шакирдов. Сразу вспоминается сцена из «Тараса Бульбы» Н.В. Гоголя, где мать не может наглядеться на своих долгожданных и любимых сыновей Остапа и Андрия, приехавших домой по окончании бурсы, а, узнавши о решении Тараса завтра же отправить их в Запорожскую Сечь, доходит до полуобморочного состояния. Так и мать Гаяза пытается хоть на денек задержать дома любимого сына, но отец непреклонен: нельзя опаздывать и пропускать занятия, дисциплина прежде всего. А его слово – закон для всех домочадцев!

Некоторые праздники Исхаки проводил в Муслюмово, на родине своей матери, у деда муллы и бабушки, известной в районе остазбике, которые также с искренней радостью и гордостью принимали у себя любимого внука, успешного шакирда медресе, сына старшей дочери. Довольно редко даже старшие родственницы в нашем доме удостаивались такой чести. Бабушка была известной остазбике. Гаяза Исхаки поразила бабушка, знающая арабский язык, умеющая толковать Коран и участвовать на равных в беседах-диспутах об исламе с мужчинами, обучающая грамоте и основам ислама местных девушек, которые позже и сами становились преподавательницами-остазбике. Подключаясь к научным и религиозным спорам-обсуждениям просвещенных зятьев и других шакирдов, бабушка стала весьма образованной. Она вела объемную тетрадь. Женщины в ту пору умели писать лучше мужчин (работников и слуг). И остазбика Махфуза тоже была яркой представительницей того поколения. Ее речи были чрезвычайно умными, а язык острым. На каждый праздник она читала вагаз сельским женщинам, подробно отвечала даже на самые трудные их вопросы, зимой дважды в день проводила у себя

дома специальные уроки для девушек. Эти девушки получили более качественное образование, чем те, которые учились по общим, не самого высокого качества программам государственных школ. Сначала они учатся читать на тюркском языке, позже изучают правила намаза, как обращаться с молитвой к Всевышнему, как просить у Него защиты, какие существуют религиозные обряды (ураза, курбан-байрам и пр.), затем переходят к изучению официально утвержденных книг, трактующих основы нравственности и этики, затем наступает черёд книг на арабском языке – «хафтияк шариф» (избранные отдельные аяты из Корана, в основном последние части Корана), наконец, через несколько лет, когда девушки готовы для восприятия написанной на фарси поэмы Саади «Гулистан», можно считать, что они усвоили программу обучения. Отдельные смекалистые ученицы для расширения кругозора, с целью в будущем стать преподавательницами-остазбике, проходили дополнительное индивидуальное обучение с дочерьми мулл. В итоге, породнившись с сельскими имамами, умные девушки из очень богатых семей вступали на этот путь [5, с. 44–46].

В очередной праздничный визит в Муслюмово, еще окончательно не пробудившись на утренний намаз, до полусонного Исхаки долетали некоторые фразы тети, что давала урок своим дочерям. «Много раз слышанные, положенные на особые мотивы “аль-Гаджизин”¹⁴ или “Мухаммадия”¹⁵ в одно ухо влетали, из другого вылетали... Вначале кто-то нежно напевал на арабском, затем тетя переводила с арабского на тюркский. Вдруг до меня дошло, что это строки из книги, которую никогда не изучают в медресе для девочек. “Это же произведение из программы старших классов мальчиковых медресе!». Осененный этим прозрением, я спешно покинул уютную постель и подошел к тете: “Что это за книга?” “Я и сама не знаю”, – ответила она. – “Дочь Сухбатуллы-абзыя (صحبة الله أبظي) замучила меня своей настойчивостью, мол,

¹⁴ «Сабат аль-‘аджизин» («Неукротимость немощных») – одно из главных произведений поэта Суфи Аллахийара, издано в 1802 г. Поэма, благодаря яркой эмоциональной окрашенности и афористичности, стала примером и образцом для татарской поэзии XIX века и выдержала более 40 изданий (см. [9]).

¹⁵ Книга «Мухаммадия» турецко-османского автора Мухаммада Челяби написана в стихотворной форме в 1449 году в Османском государстве, состоит из трех частей. В религиозном образовании девочек «Мухаммадия» играла основополагающую роль, книга использовалась как учебное пособие в мектебе и медресе и стала для девочек источником религиозного знания по основам ислама. До XIX века она распространялась в виде рукописи, с 1845 года ее стали печатать в типографии под редакцией известного в Европе ученого-востоковеда, профессора Казанского университета А.К. Казембека (Мирза Казембек). До 1917 года книга переиздавалась 24 раза (см. [10; 11]).

давайте начнем читать эту книгу. Вот мы и начали”. “Дай-ка и мне взглянуть”. Она дала. И что же я вижу: новый учебник логики для девочек на арабском под названием «Шамсия». “Где вы нашли эту книгу?” – спрашиваю. “Мугаллим, в прошлом шакирд Шигабутдина Марджани (شهاب الدين المرجاني), Шайхутдин-абзый (شيخ الدين أبزي) умер весной в Казани от сибирской язвы. Его большой сундук с книгами остался в медресе. Среди книг обнаружилась и эта. Девушки загорелись желанием читать все новые и новые книги”. Торопливо позавтракав, я отправился к нашему родственнику Сухбатулле-абзый, где перебрал содержимое сундука Шайхутдина-абзый. Среди находящихся там книг обнаружил [...] толкование от муллы Садыка (ملا صادق), из учебников логики – “Суллямельголум” (سَلَمَ العلوم), “Тахзиб” (التَهْذِيب). Кроме нескольких пособий по практической теологии – “Такаид” (عقائد النسفي), “Ысулы фикх” (أصول الفقه), “Таузыйх” (التوضيح), было несколько изданных в Стамбуле книг на турецком языке. “У нас эти книги без пользы лежат, – сказал Сухбатулла-абзый, – а если для тебя они представляют интерес, то заberi их”. И я, забрав два-три десятка книг на арабском и турецком языках, вернулся домой. Помню, что в этой пачке была география с дарственной подписью Салима Сабита (سالم ثابت), а еще “История Турции” и “История Андалусии”. Эти книги стали настоящим сокровищем для меня» [5, с. 47–48]. Учебники по логике Исхаки отложил на будущее, а книги на турецком языке были диковинной новинкой для того времени. Вернувшись домой, он приступил к чтению «Географии», к исследованию карт. Язык этой книги был немного непривычным. Но содержание понимал. Исламские государства, изображенные на этих картах, привлекали его внимание. С просьбой разъяснить трудные вопросы Исхаки обращался к отцу: почему образовавшиеся примерно в одно и то же время мусульманские государства существовали порознь, а не объединились, чтобы дать отпор вероотступникам (представителям иных религий, христианам и др.). Любимыми из всех книг у него были «История Турции» и «История Андалусии». Впервые попавшие в его руки турецкие издания, манившие то своим содержанием, то языком, ему, казанскому мальчишке 12–13 лет, после многократного прочтения книг и благодаря знаниям некоторых слов на арабском и фарси, схожих с незнакомыми, удалось освоиться с текстами. «История Андалусии» породила у Исхаки много вопросов. Интерес к турецкой литературе тоже проснулся после прочтения этих значимых в его жизни книг. Лишь он один остался еще на год в Чистопольском медресе. При этом Исхаки

считал важнейшим делом прочесть любые издания на турецком языке. В библиотеке отца, кроме «Магрифатнамы» (معرفة نامه) Исмагиля Хакки (إسماعيل حقي) (издано в Казани), книги о жизни пророков «Алтын бармак» (издано в Казани) и «Мухаммадии», других книг не имелось. Но и их он прочел с интересом [5, с. 48–49].

Заключение

По истечении трех лет пребывания в Чистопольском медресе, в 1893 году, после смерти Закира Камала, отец Гаяза переводит сына в медресе «Касимия» в Казани, где был сильный педагогический состав и значительная подборка турецкой литературы. Медресе считалось лучшим татарским учебным заведением и имело богатую библиотеку, уровень преподавания арабского и персидского языков, логики, богословия и фикха был достаточно высок [12, с. 257].

Замечательно описание отношения Исхаки к чтению, знаниям, книге... Огромной радостью для него стало обнаружение у родственников книг на турецком языке по истории Османского государства и мусульманской Испании, учебных книг, которые подарили ему как невостребованные в данной семье. Это стало началом формирования личной библиотеки, когда каждая новая интересная книга становилась праздником для увлеченного процессом познания мира шакирда чистопольского медресе. Важно и воссоздание панорамы бытования Чистополя в эпоху расцвета города в конце XIX века через описание рабочего режима одного из авторитетных мусульманских учебных заведений, связанного с пребыванием в нем многих известных деятелей татарской культуры, литературы, ислама.

Литература

1. Фукс К.Ф. *Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях*. Казань: университетская тип.; 1844. 131 с.
2. *Среднее Поволжье*. Трупчинский А.В. (сост.). М.: Изд. Т-ва И.Д. Сытина; 1908. 152 с.
3. Коблов Я.Д. *Конфессиональные школы казанских татар*. Казань: Цент. тип.; 1916. 119 с.

4. *Медресе Казани XIX – нач. XX вв.: сборник документов и материалов*. Горохова Л.В. (отв. сост.); Гимазова Р.А., Горицкая Н.С., Шарангина Н.А. (сост.); Ибрагимов Д.И. (под общ. ред.). Казань: Гасыр; 2007. 319 с.

5. *Гаяз Исхакий: тарихи-документаль жъыентык*. Рәхимов С., Мөхәммәтшин З., Заһидуллин А. (төз.-авт.). Казан: Жъен; 2011. 964 б.

6. *Чистополь литературный. Энциклопедия.*: Валеев Н.М., Сарчин Р.Ш. (авт.-сост.). Казань: Изд-во «Заман»; 2017. 560 с.

7. Габдрафикова Л.Р. Русский класс и медресе в 1870–1917 гг.: история одного противостояния (на примере города Чистополя Казанской губернии). *Minbar. Islamic Studies*. 2022;15(4):830–855. DOI: 10.31162/2618-9569-2022-15-4-830-855

8. *Медресе Казанской губернии второй трети XIX – начала XX в.: сборник документов и материалов*. Горохова Л.В. (отв. сост.); Гимазова Р.А., Федотова О.В., Шарангин Н.А. (сост.); Ибрагимов Д.И. (под общ. ред.). Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров РТ; 2012. 288 с.

9. Гайнутдинов М.В. Аллахиер Суфий. *Татарская энциклопедия*: В 5 т. Хасанов М.Х. (гл. ред.); Сабирзянов Г.С. (ответ. ред.). Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ; 2002. Т. 1. С. 113.

10. Мухаметов И.Р. *Книга Мухаммеда Челеби “Мухаммадия” в контексте татарско-турецких литературных взаимосвязей: автореф. ... дис. канд. филол. наук*. Казань, 2006. 23 с.

11. Мухаммад Челяби. *Мухаммадия*. Казань: типография братьев Каримовых; 1900. 352 с.

12. Касимия. *Татарская энциклопедия*: В 5 т. Хасанов М.Х. (гл. ред.); Сабирзянов Г.С. (ответ. ред.). Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ; 2006. Т. 3. С. 257.

References

1. Fuks K.F. *Kazanskie tatary v statisticheskom i etnograficheskom otnosheniyakh* [Kazan Tatars from the statistical and ethnographic points of view]. Kazan: University Press; 1844. 131 p. (In Russian)

2. *Srednee Povolzh'e* [The Middle Volga Region]. Trupchinskiy A.V. (comp.). Moscow: I.D. Sytin's Partnership Publishing; 1908. 152 p. (In Russian)

3. Koblov Ya.D. *Konfessional'nye shkoly kazanskikh tatar* [Kazan Tatars Confessional schools]. Kazan: Central Publishing house; 1916. 119 p. (In Russian)

4. *Medrese Kazani XIX – nach. XX vv.: sbornik dokumentov i materialov* [Madrasah of Kazan XIX – early XX centuries: collection of documents and materials]. Gorokhova L.V. (resp. comp.); Gimazova R.A., Goritskaya N.C., Sharangina N.A. (comp.); Ibragimova D.I. (ed.). Kazan: Gasyr Press; 2007. 319 p. (In Russian)

5. *Gayaz Iskhakyy: tarikhi-dokumental' dzyentyk* ['Ayadh Ishaqi: historical documentary collection]. Rahimov S., Mohammadshin Z., Zahidullin A. (comp.). Kazan: Zhyen Press; 2011. 964 p. (In Tatar)

6. *Chistopol' literaturnyy. Entsiklopediya* [Literary Chistopol. Encyclopedia]. Valeev N.M., Sarchin R.S. (author-comp.). Kazan: Vakyt Press; 2017. 560 p. (In Russian)

7. Gabdrafikova L.R. Russkiy klass i medrese v 1870–1917 gg.: istoriya odnogo protivostoyaniya (na primere goroda Chistopolya Kazanskoy gubernii) [Russian class and madrasah in 1870–1917: the history of confrontation (on the example of the city of Chistopol, Kazan province)]. *Minbar. Islamic Studies*. 2022;15(4):830–855. DOI: 10.31162/2618-9569-2022-15-4-830-855. (In Russian)

8. *Medrese Kazanskoy gubernii vtoroy treti XIX – nachala XX v.: sbornik dokumentov i materialov* [Kazan Governorate madrasahs of the second third of the XIX and the beginning of the XX century: collection of documents and materials]. Gorokhova L.V. (resp. comp.); Gimazova R.A., Fedotova O.V., Sharangina N.A. (comp.); Ibragimova D.I. (ed.). Kazan: The Main Archives Administration Under the Cabinet of the Republic of Tatarstan; 2012. 288 p. (In Russian)

9. Gajnutdinov M.V. *Allahiyar Sufij. Tatarskaya ehnciklopediya* [Tatar Encyclopedia]: In 5 vols. Khasanov M.H. (Chief ed.); Sabirzyanov G.S. (resp. ed.). Kazan: Institute of the Tatar Encyclopedia of Tatarstan Academy of Sciences; 2002. T. 1. pp. 113. (In Russian)

10. Muhametov I.R. *Kniga Mukhammeda Chelebi "MukhammadiYA" v kontekste tatarsko-tureckikh literaturnykh vzaimosvyazej: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk* [Muhammad Chelebi's "Muhammadiya" book in the context of Tatar-Turkish literary relations: abstract of the dissertation for the degree of the Candidate of Philological Sciences]. Kazan, 2006. 23 p. (In Russian)

11. Muhammad Chelabi. *Muhammadiya*. Kazan: Karimov Brothers Press; 1900. 352 p. (In Old Turkish)

12. Kasimiya [Qasimiyya]. *Tatarskaya ehntsiklopediya* [Tatar Encyclopedia]. In 5 volumes. Khasanov M.H. (chief ed.), Sabirzyanov G.S. (resp. ed.). Kazan:

М.А. Ахметова
Гаяз Исхаки в Чистопольском медресе
Minbar. Islamic Studies. 2023;16(3):585–603

Institute of the Tatar Encyclopedia of Tatarstan Academy of Sciences; 2006. Т. 3.: К – Л, pp. 257. (In Russian)

Информация об авторе

Ахметова Миляуша Ансаровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Федерального исследовательского центра «Казанский научный центр Российской академии наук»; заведующий Центральной научной библиотекой ФИЦ «КазНЦ РАН», г. Казань, Российская Федерация.

About the author

Milyausha A. Akhmetova, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher at the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology of the Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”; Head of the Central Scientific Library of the Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Kazan, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 24 апреля 2023
Одобрена рецензентами: 06 августа 2023
Принята к публикации: 22 сентября 2023

Article info

Received: April 24, 2023
Reviewed: August 06, 2023
Accepted: September 22, 2023